

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 8

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 8**

«Автор»

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 8 / Д. Д. Казанова — «Автор», — (История Жака Казановы)

«В десять часов утра, освеженный приятным чувством, что снова оказался в этом Париже, таком несовершенном, но таком пленительном, так что ни один другой город в мире не может соперничать с ним в праве называться Городом, я отправился к моей дорогой м-м д'Юрфэ, которая встретила меня с распростертыми объятиями. Она мне сказала, что молодой д'Аранда чувствует себя хорошо, и что если я хочу, она пригласит его обедать с нами завтра. Я сказал, что мне это будет приятно, затем заверил ее, что операция, в результате которой она должна возродиться в облике мужчины, будет осуществлена тот час же, как Керилинт, один из трех повелителей розенкрейцеров, выйдет из подземелий инквизиции Лиссабона...»

© Казанова Д. Д.

© Автор

Содержание

Глава I	6
Глава II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джованни Казанова История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 8

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Мое пребывание в Париже и мой отъезд в Страсбург, где я встретил ла Рено. Мои несчастья в Мюнхене и мое грустное пребывание в Аугсбурге.

В десять часов утра, освеженный приятным чувством, что снова оказался в этом Париже, таком несовершенном, но таком пленительном, так что ни один другой город в мире не может соперничать с ним в праве называться Городом, я отправился к моей дорогой м-м д'Юрфэ, которая встретила меня с распростертыми объятиями. Она мне сказала, что молодой д'Аранда чувствует себя хорошо, и что если я хочу, она пригласит его обедать с нами завтра. Я сказал, что мне это будет приятно, затем заверил ее, что операция, в результате которой она должна возродиться в облике мужчины, будет осуществлена тот час же, как Керилинт, один из трех повелителей розенкрейцеров, выйдет из подземелий инквизиции Лиссабона.

– Именно поэтому, – добавил я, – я должен прибыть в Аугсбург в текущем месяце, где, под предлогом выполнения поручения, полученного мной от правительства, я проведу переговоры с графом де Стормоном, чтобы добиться освобождения этого адепта. Для этого мне нужно запастись добротным кредитным письмом, часами и табакерками, чтобы раздавать подарки, потому что нам будет необходимо подкупать невежд.

– Я охотно возьму на себя все это, дорогой друг, но вам не нужно торопиться, так как конгресс соберется только в сентябре.

– Его и не будет, мадам, поверьте мне; но военные министры соберутся сами по себе. Если, вопреки моим прогнозам, конгресс все же соберется, мне придется совершить путешествие в Лиссабон. В любом случае, я вам обещаю, что мы увидимся этой зимой, две недели, что я проведу здесь, мне необходимы, чтобы разрушить кабалу Сен-Жермена.

– Сен-Жермен! Он не посмеет вернуться в Париж.

– Я уверен, наоборот, что он в настоящий момент здесь, но скрывается. Государственный посланник, который приказал ему выехать из Лондона, уверил его, что английский министр не поддастся на просьбу графа д'Аффри по поводу его персоны от имени короля к Генеральным Штатам.

Весь этот мой рассказ был основан лишь на предположениях, но будет видно, что я оказался прав.

М-м д'Юрфэ сделала мне затем комплимент по поводу очаровательной девицы, которую я направил сюда из Гренобля. Валенглар ей все описал.

– Король ее обожает, – сказала она, – и она не замедлит сделать его отцом. Я только что сделала ей визит в Пасси вместе с герцогиней де л'Орагэ.

– Она родит сына, который осчастливит Францию, и через тридцать лет вы увидите замечательные дела, которые мне, к сожалению, запрещено вам рассказывать до вашего преобразования. Вы говорили с ней обо мне?

– Этого не было, но я уверена, что вы найдете способ с ней увидаться, когда она будет у м-м Варнье.

Она не ошиблась; но вот что случилось как бы для того, чтобы еще более усилить безумие этой замечательной дамы.

К четырем часам, когда мы болтали о моих путешествиях, наших проектах, ей пришло в голову поехать в Булонский лес. Она попросила ее сопровождать, и я согласился. Когда мы оказались в окрестностях замка Мадрид, мы сошли на землю, углубились в лес и сели под деревом.

– Ровно восемнадцать лет назад, – сказала она, – я заснула одна на этом самом месте, где мы сейчас находимся, и мне явился во сне божественный Оросмадис, сошедший с Солнца, и оставался со мной вплоть до моего пробуждения. Открыв глаза, я увидела, как он меня покинул

и снова поднялся в небо. Он оставил меня зачавшей девочку, которую забрал у меня десять лет назад, несомненно, чтобы внушить мне, что после него я должна забыть даже возможность полюбить смертного. Моя божественная Ириазис с этим согласна.

– Вы уверены, что г-н д'Юрфэ не ее отец?

– Г-н д'Юрфэ не касался меня ни разу с тех пор, как увидел меня лежащей с божественным Анаэлем.

– Это гений Венеры. Был ли он косым?

– В высшей степени. Значит, вы знали, что он косой?

– Я также знаю, что в любовном кризисе он перестает косить.

– Я не обратила на это внимания. Он также меня покинул из-за ошибки, которую я совершила с Арабом.

– Он был направлен к вам гением Меркурия, врагом Анаэля.

– Он это здорово проделал, и я хлебнула от этого горя.

– Нет, эта встреча сделала вас способной к преображению.

Мы возвращались к коляске, когда внезапно перед нашими глазами возник Сен-Жермен; но как только он нас заметил, он резко свернул и затерялся в другой аллее.

– Вы видели? – спросил я ее. Он работает против нас, но наши гении заставили его дрожать.

– Я поражена. Завтра утром я поеду в Версаль, чтобы сообщить эту новость герцогу де Шуазейль. Интересно посмотреть, что он скажет.

Я расстался с этой дамой и пошел пешком к моему брату, который жил у ворот Сен-Дени. Он встретил меня криками радости, так же как и его жена, которую я нашел весьма красивой, но несчастной, потому что небо не дало ее мужу способности доказать, что он мужчина, а она была при этом в него влюблена. Я говорю о несчастье, потому что ее любовь сделала ее верной; помимо этого, ее муж относился к ней очень хорошо и предоставлял ей полную свободу, и она могла бы легко найти лекарство от своей беды. Она была сражена своим горем, потому что, не догадываясь о бессилье моего брата, она вообразила, что он не видит в ней объекта своих желаний, потому что не отвечает на любовь, которую она к нему испытывает; и ей это было простительно, потому что ее муж был похож на Геркулеса и напоминал его повсюду, только не с ней. Горе извело ее, так что она умерла пять или шесть лет спустя после этого времени. Она умерла совсем не с тем, чтобы упрекнуть своего супруга, но мы увидим в дальнейшем, что ее смерть явилась для него сущим наказанием.

На другой день я нанес визит м-м Варнье, чтобы занести ей письмо м-м Морен. Я был ею отлично принят, и она была столь добра сказать, что в мире нет человека, с которым она более желала бы познакомиться, чем со мной, потому что ее племянница рассказала ей столько обо мне, что она полна любопытства. Известно, что это самая распространенная болезнь женщин.

– Вы увидите мою прекрасную племянницу, месье, – добавила она, – и она сама расскажет вам о себе все, что касается ее положения и того, что у нее на сердце.

Она тут же написала ей записку и вложила ее в тот же конверт, что и письмо, что мне передала м-м Морен.

– Если вы захотите узнать ответ, который даст моя племянница, – сказала м-м Варнье, – я приглашаю вас обедать.

Я согласился, и она тут же велела закрыть двери для всех остальных.

Маленький савояр, что понес письмо в Пасси, вернулся в четыре часа с запиской, в которой значилось: «Момент, когда я увижу г-на шевалье де Сейнгальт, будет одним из самых счастливых в моей жизни. Сделайте так, чтобы он был у вас послезавтра в десять часов, и если он не сможет быть в это время, дайте мне знать».

Прочтя эту записку и пообещав быть точно в назначенный срок, я покинул м-м Варнье и отправился к м-м дю Рюмэн, которой я должен был пообещать целый день, чтобы ответить

на кучу вопросов, которые она имела ко мне, и для ответа на которые мне нужна была помощь моего оракула.

На следующий день я узнал от м-м д'Юрфэ занятный ответ, который выдал ей г-н герцог де Шуазейль, когда она объявила ему о встрече с графом де Сен-Жермен в Булонском лесу.

– Я этим не удивлен, – сказал ей этот министр, – поскольку он провел ночь в моем кабинете.

Этот герцог, человек ума, и при этом человек светский, по натуре экспансивный, не имел привычки хранить секреты, если только речь не шла о делах большой важности; отличаясь в этом от тех рядовых дипломатов, что стремятся придать себе больше веса, делая тайну из всякого пустяка, для которого секретность столь же неважна, сколь и разоблачение. В действительности редко дело представлялось важным для г-на де Шуазейль; и действительно, если бы дипломатия не была наукой интриг и коварства, если бы мораль и правда лежали в основе государственных дел, как это должно быть, тайна явилась бы скорее странной, чем необходимой.

Герцог де Шуазейль подверг кажущейся опале Сен-Жермена во Франции, чтобы иметь его в Лондоне в качестве шпиона; но лорд Галифакс не попался на хитрость, он счел эту уловку слишком грубой; однако это такие любезности, которыми готовы обмениваться все правительства, не вызывая взаимных упреков.

Юный д'Аранда, осыпав меня ласками, просил с ним позавтракать в его пансионе, заверив, что м-ль Виар с удовольствием увидится со мной.

На следующий день я не мог пропустить свидания с прекрасной Роман. Я был у м-м Варнье за четверть часа до прибытия этой ослепительной брюнетки, и ждал ее с биением сердца, которое убеждало меня, что тех маленьких благ, что я мог себе доставить, было недостаточно, чтобы загасить пламя, которое она во мне зажгла. Когда она появилась, ее полнота внушила мне уважение. Род почтения, которое, как мне казалось, следует испытывать к султанше на сносях, помешал мне подойти к ней с изъявлениями нежности, но она была вполне далека от того, чтобы воображать себя более достойной уважения, чем тогда, когда я знал ее в Гренобле бедной, но нетронутой. Она сказала мне об этом в самых ясных выражениях, после того, как сердечно расцеловала.

– Думают, что я счастлива, – сказала мне она, – все завидуют моей судьбе; но можно ли быть счастливой, когда теряешь самоуважение? Вот уже шесть месяцев я смеюсь лишь краем губ, в то время как в Гренобле, бедная и почти лишенная самого необходимого, я смеялась от чистого веселья, непринужденно. У меня есть бриллианты, кружева, превосходный замок, экипажи, прекрасный сад, служанки, дама-компаньонка, которая меня, быть может, презирает, и, хотя со мной обращаются как с принцессой первые дамы двора, которые запросто ко мне приходят, нет дня, чтобы я не испытала какого-нибудь унижения.

– Унижения?

– Да, эти прошения, с которыми ко мне обращаются, с тем, чтобы обрести монаршие милости, и которые я вынуждена отсылать обратно, извиняясь в своей беспомощности, поскольку не смею ничего просить у короля.

– Но почему вы не смее?

– Потому что невозможно мне заговорить со своим любовником, не имея перед глазами монарха. Ах! Счастье в простоте, а не в пышности.

– Это в порядке вещей, и надо вам стараться быть на высоте того положения, в которое ставит вас судьба.

– Я этого не могу; я люблю короля и все время боюсь ему не понравиться. Мне все время кажется, что он одаривает меня более, чем я стою; поэтому я не смею ничего просить у него для других.

– Но король будет счастлив, я в этом уверен, доказать вам свою любовь, оказывая милости людям, в которых вы принимаете участие.

– Я это понимаю, и это делает меня счастливой, но я не могу побороть себя. Я имею сотню луи на булавки; я раздаю их в виде милостыни и в качестве подарков, но экономно, чтобы дотянуть до конца месяца. У меня есть идея, несомненно ошибочная, но владеющая мной вопреки самой себе, я думаю, что король любит меня только потому, что я ему не докучаю.

– А вы его любите?

– Как можно его не любить! Вежливый в высшей степени, добрый, нежный, красивый, галантный и чувствительный; он именно таков, чтобы покорить сердце женщины.

Он не перестает спрашивать меня, довольна ли я моей мебелью, моим гардеробом, моими слугами, моим садом; не хочу ли я что-то изменить. Я его обнимаю, я его благодарю, говорю, что все прекрасно, и я счастлива, видя его довольным.

– Говорит ли он с вами о ребенке, которого вы ему подарите?

– Он часто говорит мне, что в моем состоянии я должна прежде всего заботиться о моем здоровье. Я льщу себя надеждой, что он воспримет моего сына как принца своей крови; королева умерла, и он должен по совести осознать это.

– Не сомневайтесь в этом.

– Ах! Сколь дорог мне будет мой сын! Какое счастье быть уверенной, что это будет не девочка! Но я ничего никому не говорю. Если я осмелюсь сказать королю о гороскопе, я уверена, что он захочет с вами познакомиться; но я опасаюсь клеветы.

– И я также, дорогой друг. Продолжайте хранить эту тайну, и пусть ничто не возмутит счастья, которое может только возрасти, и которое я счастлив вам предвестить.

Мы расстались, пролив слезы. Она вышла первая, прежде поцеловав меня и назвав своим лучшим другом. Я остался наедине с м-м Варнье, чтобы немного успокоиться, и сказал ей, что, вместо того, чтобы выдать м-ль Роман ее гороскоп, я должен был на ней жениться.

– Она была бы более счастлива. Вы не могли предвидеть ни ее робости, ни отсутствия у нее амбиций.

– Могу вас уверить, мадам, что я не рассчитывал ни на ее смелость, ни на ее амбиции. Я упустил из виду свое собственное счастье, думая только о ее. Но дело сделано. Однако, я утешусь, увидев ее действительно счастливой. Я надеюсь, что это произойдет, особенно, если она разродится сыном.

Пообедав с м-м д'Юрфэ, мы с ней решили отправить д'Аранда в его пансион, чтобы быть более свободными в наших каббалистических занятиях; затем я направился в оперу, где мой брат назначил мне свидание, чтобы отвести ужинать к м-м Ванлоо, которая встретила меня изъяснениями самой большой дружбы.

– Вы будете иметь удовольствие, – сказала мне она, – ужинать с м-м Блондель и ее мужем.

Читатель вспомнит, что это была Манон Баллетти, на которой я должен был жениться.

– Знает ли она, что я здесь? – спросил я.

– Нет, я доставила себе удовольствие увидеть ее изумление.

– Благодарю вас, что вы не захотели насладиться и моим. Мы еще увидимся, мадам, но сегодня я говорю вам адъё, потому что, как человек чести, я полагаю, что не должен по своей воле находиться в том месте, где будет м-м Блондель.

Я выхожу, оставляя всех в изумлении, и, не зная, куда идти, останавливаю фиакр и направляюсь ужинать к моей невестке, которая восприняла это как мой каприз. Но во время этого маленького ужина очаровательная женщина только и делала, что жаловалась на своего мужа, который не должен был бы жениться, поскольку знал, что не в состоянии исполнять с женой мужские функции.

– Почему вы не попробовали этого, перед тем, как выйти замуж?

– Но разве не достаточно того, что я делала ему авансы? И потом, как можно подумать, что такой прекрасный мужчина ничего не может? Вот наша история. Я танцевала, как вы знаете, в Итальянской Комедии, и была на содержании у г-на де Санси, казначея консистории. Это

он привел вашего брата ко мне. Он мне понравился, и мне не понадобилось много времени, чтобы заметить, что он меня любит. Мой любовник сообщил мне, что это самый подходящий момент решить свою судьбу и выйти замуж. С этой мыслью я спланировала ничего ему не говорить. Он приходил ко мне по утрам, часто заставляя меня одну в постели. Мы болтали, он, казалось, загорался, но все кончалось поцелуями. Я ожидала от него формальной декларации, чтобы привести к желаемому для меня решению. После этого г-н де Санси оформлял мне пожизненную ренту в тысячу экю, с помощью которой я могла выйти из театра.

Когда настало лето, г-н де Санси пригласил вашего брата провести месяц в провинции, позвав с ним и меня, и, хотя все было прикрыто покровами приличия, он сделал так, что я должна была быть представлена как его жена. Это предложение понравилось Казанове, который воспринял ее как баловство и не думал, должно быть, что оно может повлечь за собой последствия. Он представил меня, таким образом, как свою жену, всему семейству моего любовника, а также его родственникам, советникам парламента, военным, петиметрам, чьи жены придерживались высокого тона. Он считал забавным, что по законам комедии он должен был спать со мною вместе. Я не могла этого избежать, чтобы не оказаться в ложном положении; впрочем, будучи далека от того, чтобы испытывать малейшее отвращение к этому обстоятельству, я сочла его самым быстрым путем к осуществлению того, что было целью всех моих мечтаний.

Но, говоря я вам, ваш брат, нежный и дающий мне тысячу знаков своей любви, имея меня в своем полном обладании в течение тридцати дней, ни разу не пришел к тому решению, которое было бы столь естественно в подобных обстоятельствах.

– Вы тогда должны были бы прийти к выводу, что он неспособен, потому что, даже если он сделан из мрамора или принял обет целомудрия, в подобных условиях самого мощного из соблазнов, его поведение было невозможно.

– Это вам так кажется, но факт тот, что он не проявил себя по отношению ко мне ни способным, ни неспособным дать мне доказательства своей страсти.

– Почему бы вам самой не попытаться выяснить все это?

– Чувство тщеты, даже гордости, мало осознанное, помешало мне испытать чувство разочарования. Я не допускала правды, я выдвигала тысячи идей, которые льстили моему самолюбию. Мне казалось, что, по настоящему любя меня, он, возможно, боится познать меня до того, как я стану его женой. Это помешало мне решиться прибегнуть к унижительному обследованию.

– Все это, дорогая невестка, могло бы быть вполне естественным, хотя и необычным, если бы вы были юной невинной девицей; но мой брат прекрасно знал, что ваше послушничество давно уже разрешилось.

– Все это очень верно, но что не взбредет в голову женщине влюбленной, поощряемой к тому же самолюбием еще более, чем любовью?

– Вы рассуждаете весьма верно, но немного запоздало.

– Я слишком хорошо это понимаю. Наконец, мы вернулись в Париж, он – в свое прежнее жилище, я – в свой маленький дом, он – продолжая за мной ухаживать, я – принимая его и ничего не понимая в этом странном поведении. Г-н де Санси, зная, что между нами ничего серьезного не имело места, терялся в предположениях и не мог разрешить загадку. «Он, без сомнения, боится сделать вам ребенка, – говорил он мне, – и оказаться, поэтому, обязанным на вас жениться». Я начала тоже так думать, но находила, что такая манера рассуждения странна для человека влюбленного.

«Господин де Несле, офицер французской гвардии, муж красивой женщины, с которым я познакомилась в провинции, явился к вашему брату, чтобы нанести мне визит. Не найдя меня там, он спросил у него, почему я не живу с ним. Тот вполне простосердечно ответил, что я не его жена и что все это было шуткой. Г-н де Несле пришел ко мне, чтобы убедиться в том, что

это правда, и когда узнал правду, спросил у меня, не сочту ли я дурным, если он сможет убедить Казанову жениться на мне. Я ответила ему, что наоборот, буду весьма рада. Он пошел сказать вашему брату, что его жена не стала бы общаться со мной на равных, если бы я не была ей представлена как его жена, в качестве которой меня признали достойной общения в хорошем кругу; что его обман явился оскорблением для всего общества, и что он должен искупить свою вину, немедленно женившись на мне, либо согласиться на дуэль с ним до последней крови. Он добавил еще, что если падет на этой дуэли, он будет отомщен всеми мужчинами, кого его поступок оскорбил так же, как и его. Казанова ответил ему, смеясь, что далек от мысли биться ради того, чтобы избежать женитьбы, и готов поломать копыя за мою благосклонность. «Я ее люблю, и если я ей нравлюсь, я готов предложить ей мою руку. Соболаговолите, – добавил он, – расчистить к этому пути, и я в вашем распоряжении когда угодно».

Г-н де Несле его обнял, пообещал все организовать, затем пришел ко мне, чтобы передать эту новость, что наполнило меня радостью, и за неделю все было сделано. Г-н де Несле дал нам превосходный ужин в день нашей свадьбы, и с этого дня я ношу звание его жены, но звание бесполезное, потому что, несмотря на церемонию и фатальное «Да», я не замужем, поскольку ваш брат полнейший нуль. Я несчастна, и это целиком его вина, потому что он должен был себя знать. Он ужасно меня обманул.

– Но он был вынужден; он не виноват и заслуживает сожаления. Мне весьма жаль и вас, и однако я признаю за вами вину, потому что живя с ним целый месяц, так, что он не дал вам ни единого свидетельства своей потенции, вы должны были постичь правду. Даже если бы вы были абсолютно невинны, г-н де Сенси должен был бы ввести вас в курс дела, потому что он должен был бы отлично знать, что мужчина не может пребывать бок-о-бок с обнаженной женщиной, сжимать ее в объятиях столь долгое время и не оказаться, вопреки своей воле, вынужденным физически саморазоблачиться, если он не лишен полностью способности, составляющей его мужскую сущность.

– Все это представляется мне правильным, когда исходит из ваших уст, и при том мы не могли об этом и помыслить оба, видя перед собой этого Геркулеса.

– Я вижу только одно средство от вашей беды, моя дорогая невестка, – это аннулировать ваш брак или завести любовника; и я считаю моего брата достаточно рассудительным, чтобы он не сетовал вам на это.

– Я вполне свободна, но я не могу думать ни о любовнике, ни о разводе, потому что мое положение таково, что любовь моя к нему лишь возрастает, и от этого горе мое, без сомнения, становится лишь больше.

Я видел, что эта бедная женщина столь несчастна, что я охотно бы ее утешил, но об этом не следовало и думать. Между тем ее откровенность мгновенно облегчила ее муку, я похвалил ее за это и, обняв ее в манере, которая убедила ее, что я не то, что мой брат, я пожелал ей доброй ночи.

Назавтра я пошел повидать м-м Ванлоо, которая сказала мне, что м-м Блондель поручила ей поблагодарить меня за то, что я не остался, но что ее муж просил ее сказать мне, что жалеет, что не увидел меня и не смог выразить мне всю свою признательность.

– Он, по-видимому, нашел свою жену вполне невинной, но это не по моей вине, и он обязан этим лишь Манон Балетти. Мне сказали, что у него есть хорошенький малыш, что он живет в Лувре, и что она обитает в другом доме на улице Новой Пти Шан.

– Это правда, но он ужинает каждый вечер с ней.

– Это дурацкая ситуация!

– Очень хорошая, уверяю вас. Блондель хочет иметь дело со своей женой только в благоприятных условиях. Он говорит, что это поддерживает любовь, и что, не имев никогда любовницы, достойной быть его женой, он смог получить жену, достойную быть его любовницей.

Я посвятил весь следующий день м-м д'Юмэн, занимаясь до вечера очень щекотливыми вопросами. Я оставил ее весьма довольной. Замужество м-ль Котенфо, ее дочери, за г-ном де Полиньяк, произошедшее пять или шесть лет спустя, явилось последствием наших каббалистических вычислений.

Прекрасной чулочницы с улицы Прувер, которую я столь любил, больше не было в Париже. Некий г-н де Ланглад ее похитил, и ее муж пребывал в нищете. Камилла была больна, Коралина сделалась маркизой и титулованной любовницей г-на графа де ла Марш, сына принца де Конти, которому она подарила сына, которого я знал двадцать лет спустя, обладателя мальтийского креста и имени шевалье де Монреал. Некоторые другие юные персоны, которых я знал, отправились возвращаться по провинции в качестве вдов, или оказались недостижимы.

Таков был Париж в мое время. Перемены, происходившие в области девиц, в области интриг, в области принципов следовали столь же быстро, как и моды.

Я посвятил день моему другу Баллетти, который покинул театр, потеряв отца и женившись на красивой фигурантке; он трудился над травой мелиссы, надеясь получить философский камень.

Я был приятно удивлен в фойе Комеди Франсез, увидев поэта Пуансине, который, обняв меня несколько раз, сказал, что в Парме г-н дю Тилло осыпал его благодеяниями.

– Он никуда меня не смог поместить, – сказал он мне, – потому что в Италии не знают, что делать с французским поэтом.

– Знаете ли вы что-нибудь о лорде Лисморе? – спросил я его.

– Да, он написал из Ливорно своей матери, объявив ей, что собирается отправиться в Индию, и что если она не будет добра дать ему тысячу луи, он окажется в тюрьме в Риме.

– Я очень интересуюсь его судьбой, и я охотно увидаю миледи вместе с вами.

– Я скажу о вас и уверен, что она пригласит вас на ужин, потому что очень хочет с вами поговорить.

– Как вы здесь? – спросил я, – довольны ли вы Апполоном?

– Он не бог золотых россыпей; у меня нет ни су; у меня нет комнаты, и я охотно соглашусь на ужин, если вы захотите меня пригласить. Я почитаю вам «Круг», который приняли комедианты и который лежит у меня в кармане. Я уверен, что эта пьеса будет иметь успех.

Этот «Круг» была небольшая пьеса в прозе, в которой поэт обыгрывал жаргон врача Херреншванда, брата того, которого я знал в Золотурне. Она действительно имела большой успех и стала модной.

Я повел его ужинать, и бедный питомец муз ел за четверых. На следующий день он пришел мне сказать, что графиня Лисмор ждет меня к ужину.

Я застал эту даму, еще красивую, в обществе архиепископа Камбре, давнего ее любовника, который тратил на нее весь доход своего архиепископства. Этот достойный князь церкви был одним из побочных сыновей герцога Орлеанского, знаменитого регента Франции, и комедиантки. Он ужинал с нами, но открывал рот только для еды, а его любовница говорила со мной только о своем сыне, таланты которого превозносила до небес, в то время как лорд Лисмор был всего лишь повеса; но я счел своим долгом поддакивать. Было бы жестоко противоречить. Я покинул ее, пообещав написать, если встречу ее сына.

Пуансине, у которого, как говорится, не было ни кола ни двора, пришел переночевать в моей комнате, и на следующий день, скормив ему пару чашек шоколада, я дал ему нанять комнату. Я больше с ним не встречался, он утонул, несколько лет спустя, но не в Иппокрене, а в Гвадалквивире. Мне говорили, что он провел несколько дней у г-на де Вольтера и что он торопился вернуться в Париж, чтобы выволить из Бастилии аббата Морелле.

Мне больше нечего было делать в Париже, и я ждал только заказанных мною одежд и оправленного в рубины и алмазы орденового креста, пожалованного мне Святым отцом.

Я ожидал этого пять или шесть дней, когда возникшая неприятность заставила меня ускорить отъезд. Вот это событие, которое я описываю, скрепя сердце, потому что эта неосторожность с моей стороны могла стоить мне жизни и чести, обойдясь, ни за что, более чем в сотню тысяч франков. Мне жаль дурней, которые, попав в беду, винят в этом фортуны, в то время как винить им надо бы самих себя.

Я прогуливался по Тюильери около десяти часов утра, когда имел несчастье встретить Данжанкур с другой девицей... Эта Данжанкур была фигурантка оперы, с которой, перед моим последним отъездом из Парижа, я тщетно пытался познакомиться. Поздравляя себя с счастливым случаем, позволившим мне встретить ее так кстати, я подвалил к ней, и мне не стоило большого труда уговорить ее согласиться на обед в Шуази.

Мы направляемся к Пон-Рояль и, наняв фиакр, едем туда. Распорядившись насчет обеда, мы выходим, чтобы пройтись по саду, когда я вижу сходящих из фиакра двух авантюристов, знакомых мне, и двух девиц, подруг тех, что я сопровождаю. Злополучная хозяйка, стоявшая в дверях, подходит сказать нам, что если мы хотим, чтобы нас обслужили вместе, она подаст нам превосходный обед; я не говорю ни да ни нет, однако встречаю согласие своих двух шалуний. Мы обедаем, действительно очень хорошо, и, заплатив, в момент, когда мы собираемся вернуться в Париж, замечая, что у меня нет кольца, которое во время обеда я снял с пальца, чтобы показать одному из проходимцев по имени Сантис, который полюбопытствовал его рассмотреть. Это была очень красивая миниатюра, обрамление которой бриллиантами стоило мне двадцать пять луи. Я прошу, очень вежливо, Сантиса вернуть мне мое кольцо; он отвечает мне, вполне хладнокровно, что вернул мне его.

– Если бы вы мне его вернули, – возражаю я, – оно бы у меня было, но его нет.

Он упорствует; девицы ничего не говорят, но друг Сантиса, португалец по имени Ксавье, смеет сказать мне, что видел, как его вернули.

– Вы лжете, – говорю я ему, и, схватив Сантиса за галстук, говорю, что он не уйдет, пока я не получу мое кольцо. Но в это время португалец вскакивает, чтобы помочь своему другу, я делаю шаг назад и со шпагой в руке повторяю свое предложение. Хозяйка подбегает, испуская громкие крики, Сантис говорит, что если я хочу выслушать пару слов наедине, он выйдет за мной. Полагая простодушно, что, стыдясь вернуть мне кольцо при всем народе, он собирается возвратить его тет-а-тет, я вкладываю обратно шпагу, крикнув ему:

– Выйдем!

Ксавье садится в фиакр с четырьмя девками, и они возвращаются в Париж.

Сантис следует за мной за дом и, приняв смеющийся вид, говорит мне, что решил подшутить, положил кольцо в карман своего друга, но что в Париже мне его вернет.

– Это сказки, – говорю я, – ваш друг думает, что вы мне его вернули, и вы отпустили его уехать. Вы считаете меня достаточно глупым, чтобы я поверил таким рассказам? Вы оба воры.

Говоря так, я протягиваю руку, чтобы схватить цепочку его часов, но он отскакивает и обнажает шпагу. Я достаю свою и, едва встав в позицию, он наносит мне удар, который я парирую, и, нанося удар, протыкаю его насквозь. Он падает, зовя на помощь. Я убираю шпагу и, не заботясь о нем, иду забрать мой фиакр и возвращаюсь в Париж.

Я схожу на площади Мобер и иду пешком в мой отель кружным путем. Я был уверен, что никто не придет меня искать в моем жилище, потому что даже мой хозяин не знал моего имени.

Я использовал остаток дня, чтобы упаковать мои чемоданы, и, приказав Коста уложить их в мою коляску, пошел к м-м д'Юрфэ, чтобы рассказать ей о моей аванюре, попросив ее, чтобы, когда то, что она должна мне передать, будет готово, передать его Коста, который приедет встретиться со мной в Аугсбурге. Я должен был сказать ей, чтобы она отправила все с одним из своих слуг, но мой добрый гений покинул меня в этот день. Я, в конце концов, не знал, что Коста вор.

По возвращении в отель «Святого духа» я передал мои инструкции мошеннику, посоветовав ему взять дилижанс, сохранять тайну и передав денег, необходимых для путешествия.

В моей коляске, запряженной четверкой лошадей, которые должны были довезти меня до второй почты, я выехал из Парижа и остановился только в Страсбурге, где встретил Дезармуаз и моего испанца.

Не имея никаких дел в этом городе, я хотел сразу пересечь Рейн, но Дезармуаз уговорил меня пойти вместе с ним в гостиницу «Эспри», чтобы увидеть красивую особу, из-за которой он отложил свой отъезд из Страсбурга, имея в виду, что мы сможем проделать наше путешествие вместе.

– Это молодая дама, из ваших знакомых, – сказал мне этот мнимый маркиз, – но я должен был дать ей слово, что не скажу вам ее имя. С ней только ее горничная, и я уверен, что вы будете рады ее увидеть.

Любопытство заставило меня уступить. Я пошел за Дезармуазом и вошел в свою комнату, где увидел красивую женщину, которую я сначала не узнал. Память мне возвращается, я вижу, что это танцовщица, которую я нашел очаровательной в театре Дрездена восемь лет назад. Она принадлежала теперь графу де Брюль, обер-шталмейстеру короля польского, Выборщика саксонского; но я даже не попытался за ней поухаживать. Видя, что она теперь богата, располагает экипажем и собирается выехать в Аугсбург, я попытался извлечь из этой встречи все приятное.

После обычных изъявлений удовольствия с той и другой стороны, мы назначили наш отъезд на завтрашнее утро, чтобы вместе направиться в Аугсбург. Красотка направлялась в Мюнхен, но поскольку мне нечего было делать в этой маленькой столице, мы согласились, что она туда поедет одна.

– Я уверена, – сказала мне затем она, – что вы сами решите туда заехать, потому что влиятельные министры, которые должны собраться на конгресс, прибудут в Аугсбург только в течение сентября.

Мы вместе поужинали и на другой день выехали; она – в своем экипаже, вместе со своей горничной, я – в своем, с Дезармуазом, в сопровождении Ледюкак верхом, но в Растадте мы поменялись, эта Рено решила дать пищу для разговоров любопытным и пересела в мою коляску, в то время как Дезармуаз охотно пересел на ее место, рядом с ее сопровождающей. Мы немедленно вступили в интимные разговоры. Она поведала мне обо всех своих делах, по крайней мере, по видимости, и я рассказал ей о том, что не счел нужным скрывать. Я сказал, что у меня есть поручение от лиссабонского двора; она мне поверила, и я поверил ей, в свою очередь, что она направляется в Мюнхен и Аугсбург, чтобы сбыть свои бриллианты.

Речь зашла о Дезармуазе, она сказала, что я могу вполне продолжить общение с ним, но не должен позволять ему пользоваться титулом маркиза.

– Но, – сказал я ей, – он ведь сын маркиза Дезармуаз из Нанси.

– Он не более чем старый курьер, которому департамент иностранных дел выделил скудную пенсию. Я знаю маркиза Дезармуаз, который живет в Нанси и который не настолько стар, как он.

– В этом случае ему немного затруднительно быть его отцом.

– Хозяин «Эспри» знал его как курьера.

– Как ты с ним познакомилась?

– Мы обедали вместе за табльдотом. После обеда он пришел ко мне в комнату и сказал, что ждет кое-кого, чтобы ехать в Аугсбург, и что мы можем совершить это путешествие вместе. Он назвал вас, и после нескольких вопросов я поняла, что это можете быть только вы, и вот мы тут. Но послушайте, я советую вам отказаться от вымышленного имени и придуманной биографии; зачем вы представляетесь Сейнгальтом?

– Это мое имя, дорогая, но это не мешает тем, кто меня давно знает, называть меня Казанова, потому что я и тот и этот. Вам это должно быть ясно.

– Да, я понимаю. Ваша мать в Праге, и поскольку она не получает своего пенсионера из-за войны, полагаю, она может испытывать некоторые затруднения.

– Я знаю, но я не забываю своих сыновних обязанностей, я отправил ей денег.

– Поздравляю вас с этим. Где вы поселитесь в Аугсбурге?

– Я сниму дом, и если вас это развлечет, я сделаю вас его хозяйкой, и вы окажете мне этим честь.

– Это очаровательно, мой друг! Мы будем давать добрые ужины и будем проводить ночи в веселье.

– Замечательный план.

– Я берусь найти вам превосходную кухню, в Баварии она знаменита. Мы составим заметное общество при конгрессе, и будут говорить, что мы влюблены друг в друга до безумия.

– Разумеется, сердце мое, я не ожидаю неких шуток по поводу неверности.

– Насчет этого, мой друг, доверьтесь мне. Вы знаете хорошо, как я жила в Дрездене.

– Я верю тебе, но не вслепую, предупреждаю. А пока, восстановим между нами равенство, и ты начни первая. Это больше соответствует любви.

– Что ж! Обними меня.

Моя прекрасная Рено не любила путешествовать по ночам, потому что любила обильно ужинать и ложиться спать, когда голова начинает кружиться. Жар вина превращал ее в вакханку, которую трудно было удовлетворить, но когда я уже больше не мог, я просил ее оставить меня в покое, и ей хватало сил подчиниться.

Прибыв в Аугсбург, мы остановились в «Трех маврах», но хозяин сказал, что приготовит нам добрый обед, но не может нас поселить, поскольку министр Франции снял весь отель. Я решил пойти найти г-на Карли, банкира, к которому я был аккредитован, и тут же он нашел мне красивый меблированный дом с садом, который я снял на шесть месяцев, и который Рено сочла весьма в своем вкусе.

В Аугсбурге еще никого не было. Моя Рено собираясь вернуться в Мюнхен, сочла, что я буду скучать в ее отсутствие, и предложила ее сопровождать. Мы поселились в гостинице «Олень», где хорошо устроились; Дезармуаз поселился отдельно. Мои дела не имели ничего общего с моей новой компанией, я дал ей коляску и нанял местного лакея, и сделал то же для себя.

Аббат Гама снабдил меня письмом от командора Альмада к лорду Стормону, английскому министру при дворе Баварии. Этот сеньор жил в Мюнхене, и я направился к нему с моим поручением. Он очень хорошо меня принял и заверил, что в свое время сделает все, что от него зависит, и что лорд Галифакс информировал его о деле. Выйдя от его британского высочества, я отправился с визитом вежливости к г-ну де Фолар, министру Франции, которому представил письмо, что передал мне г-н де Шуазель через м-м д'Юрфэ. Г-н де Фолар осыпал меня любезностями и пригласил на обед на завтра, и на следующий день он представил меня Выборщику.

В продолжение четырех роковых недель, что я провел в Мюнхене, дом этого министра был единственным местом, которое я часто посещал. Я называю эти недели роковыми, и с полным на то правом, потому что в это время я потерял все свои деньги, я отдал в заклад более чем на сорок тысяч франков своих драгоценностей, которые никогда больше не выкупил, и, наконец, что еще хуже, я потерял свое здоровье. Моими убийцами стали эта Рено и этот Дезармуаз, который стольким мне был обязан, и который мне так дурно отплатил.

На третий день моего прибытия в Мюнхен я должен был нанести частный визит вдовствующей Выборщице саксонского короля. Мой зять был в свите этой принцессы и пригласил меня, сказав, что я не могу уклониться, потому что она меня знает и сейчас осведомлена обо мне. Я не мог отказать в снисхождении, так как Выборщица хорошо меня встретила и много со мной болтала; она была любопытна, как все праздные люди, которые мало чего знают, поскольку не находят достаточно источников внутри себя ни в уме, ни в воспитании.

Я совершал достаточно много глупостей в своей жизни, признаю это с таким же чисто-сердечием, как Руссо, и у меня при этом меньше самолюбования, чем у этого бедного великого человека, но не было столь большой и столь абсурдной, как та, что я совершил, приехав в Мюнхен, в то время, как мне там совершенно нечего было делать. Но я находился в кризисе; это была эпоха, когда мой роковой гений скатывался от одной глупости к другой, начиная с моего отъезда из Турина, и даже с отъезда из Неаполя. Мое ночное падение, мои вечера у Лисмора, моя связь с Дезармуазом, моя выходка в Шуази, мое доверие к Коста, мой союз с Рено и, более, чем все остальное, моя невероятная глупость предаться игре в фараон при дворе, где игроки, державшие банк, славились как самые умелые в Европе по исправлению фортуны! Там находился, среди прочих, знаменитый бесчестный Аффлизио, объединившийся с герцогом Фредериком де Дё-Пон, которого этот принц прикрывал званием своего адъютанта, и которого весь свет знал как самого ловкого мошенника, которого только можно себе вообразить.

Я играл все дни, и, проигрывая часто на слово, обязанность платить назавтра чинила мне жуткие страдания. Когда я исчерпал свой кредит у банкиров, мне пришлось обратиться к евреям, которые давали только под залог, и этот Дезармуаз стал моим посредником, вместе с Рено, которая кончила тем, что стала хозяйкой всего. Этим не заканчивались ужасные услуги, что она мне оказывала; она передала мне болезнь, которая ее подтачивала и которая, разъедающая ее изнутри, оставалась снаружи незаметна и тем более опасна, что ее свежий вид создавал впечатление полнейшего здоровья. Наконец, эта змея, выползшая из ада, чтобы меня разрушить, настолько опутала меня своими ласками, что я пренебрегал своим здоровьем в течение месяца, потому что она смогла меня убедить, что будет опозорена, если во время нашего пребывания в Мюнхене я обращусь к хирургу, поскольку все придворное сборище знало, что мы состоим в сожительстве.

Я не могу себя постичь, когда размышляю об этой невероятной благосклонности, особенно учитывая то, что каждый день я обновлял этот яд, который она внедряла в мои вены!

Мое пребывание в Мюнхене явилось для меня родом проклятия, когда, в течение этого рокового месяца, я видел их объединившимися, как бы для того, чтобы явить мне предвкушение адских мук. Рено любила игру, и Дезармуаз держал талью с нею пополам. Я не хотел играть вместе с ними, потому что фальшивый маркиз мошенничал без всякого удержу, и часто скорее с наглостью, чем с искусством. Он приглашал ко мне людей дурного общества, которых угощал за мой счет; после, за игрой, он устраивал каждый раз скандальные сцены.

Вдовствующая Выборщица высказывала мне самые чувствительные упреки последние два раза, что я имел честь с ней беседовать.

— Здесь знают, месье, как вы живете с этой Рено, и о жизни, которую она ведет у вас, возможно, без вашего ведома, — говорила мне эта принцесса, — это вам сильно вредит, и я советую вам с этим покончить.

Она не знала, что я принужден был к этому с разных сторон. Уже месяц, как я выехал из Парижа, а у меня не было никаких известий ни от м-м д'Юрфэ, ни от Коста. Я не мог найти этому причины, но начинал предполагать неверность со стороны моего итальянца. Я опасался также, что моя добрая м-м д'Юрфэ мертва либо прозрела, что для меня имело бы тот же результат, и состояние, в котором я находился, не позволяло мне вернуться в Париж, чтобы прояснить все то, что мне необходимо было знать, как для успокоения души, так и для восстановления моего кошелька.

Я был, таким образом, в полном расстройстве, и что меня более всего угнетало, это то, что я вынужден был признать, что ощущаю начало упадка сил, обычного следствия возраста; я не ощущал более той полной уверенности, что дается молодостью и ощущением силы, а опыт при этом еще не дал мне достаточно зрелости, чтобы исправиться. Тем не менее, благодаря остатку той привычки, что дается характеру решительному, я принял резкое решение избавиться от Рено, сказав ей, что буду ждать ее в Аугсбурге. Она не сделала никаких усилий, чтобы

меня удержать, но предложила присоединиться ко мне позднее, постаравшись с выгодой продать свои камни. Я выехал, сопровождаемый Ледюком и довольный тем, что Дезармуаз счел за лучшее остаться вместе с этим недостойным созданием, с которым я имел несчастье познакомиться благодаря ему. Прибыв в мой красивый дом в Аугсбурге, я лег в постель, решив сойти с нее либо мертвым, либо излечившись от яда, который меня пожирал. Г-н Карли, мой банкир, которого я просил прийти ко мне, рекомендовал мне некоего Кефалидеса, ученика знаменитого Фэйе, который, несколько лет назад, избавил меня от подобной болезни в Париже. Этот Кефалидес слыл лучшим хирургом Аугсбурга. Изучив мое состояние, он заверил, что вылечит меня с помощью потогонных средств, не прибегая к роковому хирургическому вмешательству. Он начал, в соответствии с этим, с применения самой суровой диеты, предписал мне ванны и ртутные втирания. Я вытерпел этот режим в течение шести недель и, далеко не излечившись, чувствовал себя в состоянии худшем, чем до начала процедур. Я ужасно исхудал, и у меня были две паховые опухоли чудовищного размера. Я вынужден был согласиться их вскрыть, но эта болезненная операция, кроме того, что подвергла мою жизнь опасности, не дала ничего. Он несчастным образом перерезал артерию, что вызвало обильное кровотечение, которое с большим трудом удалось остановить, и которое привело бы меня к смерти, если бы не помощь г-на Альгари, болонского врача, бывшего на службе у князя-епископа Аугсбурга. Не желая более слушать рассуждения Кефалидеса, доктор Альгари приготовил мне в моем присутствии девяносто пилюль, состоящих из восемнадцати гран манны. Я принимал одну такую пилюлю утром, запивая большим стаканом снятого молока, и другую вечером, после которой ел перловый суп, и это была вся моя еда. Это героическое средство вернуло мне здоровье за два с половиной месяца, время, которое я провел в больших мучениях, но мое здоровье и мои силы начали ко мне возвращаться лишь к концу года.

Именно во время этих моих страданий я узнал об обстоятельствах бегства Коста, унесшего бриллианты, часы, табакерки, белье и расшитую одежду, что мне направила м-м д'Юрфэ в большом чемодане, вместе с сотней луи, что она дала ему на это путешествие. Эта добрая дама направила мне обменное письмо на пятьдесят тысяч франков, которое она, к счастью, не успела передать моему вору, и эта сумма пришла весьма кстати, чтобы выручить меня из той безнадежной ситуации, в которую повергло меня мое беспутство.

У меня в ту эпоху случилось еще одно несчастье, которое было для меня весьма чувствительным: я заметил, что Ледюк меня обворовывает. Я простил бы ему это, если бы он не вынудил меня предать это огласке, которой я не мог избежать, рискуя быть скомпрометированным. Несмотря на это, я сохранил его вплоть до моего возвращения в Париж в начале следующего года.

К концу сентября, когда стало очевидно, что никакого конгресса не будет, Рено проехала через Аугсбург вместе с Дезармуазом, возвращаясь в Париж, но не осмелилась прийти меня повидать, опасаясь, как бы я не заставил ее вернуть мои вещи, которые она присвоила, не спросившись меня, и, без сомнения, предполагая, что мне известно об этом мошенничестве. Четыре или пять лет спустя она вышла замуж в Париже за некоего Бёмера, того, что дал кардиналу де Роан знаменитое ожерелье, которое, полагают, было предназначено несчастной Марии-Антуанетте, королеве Франции. Она была в Париже, когда я вернулся туда, но я не сделал никаких попыток ее увидеть, желая, по возможности, все забыть. Мне это было необходимо, потому что во всем, что со мной было в этот несчастливый год, самым неприятным был мой прискорбный образ действий и особенно моя собственная персона. Однако я в достаточной степени ненавидел бесчестного Дезармуаза, чтобы отказать себе в удовольствии обворовать ему уши, если бы мне представился такой случай, но старый мошенник, который, без сомнения, предвидел мои действия по отношению к себе, испарился. Он умер, нищий и заброшенный, в Нормандии некоторое время спустя.

Едва мое здоровье восстановилось, я, забыв все мои прошедшие несчастья, снова стал развлекаться. Анна-Мидель, моя замечательная кухарка, которая так долго была в забвении, должна была взяться за дело, чтобы удовлетворить мой возросший аппетит, потому что в течение трех недель я испытывал постоянно голод, что было, однако, необходимо при моем темпераменте, чтобы вернуть организму прежнюю форму. Мой гравер и его дочь Гертруда, которых я сажал со мной за стол, смотрели на меня, некоторым образом пораженные, и ожидали смертоносных последствий моей неводержанности. Мой дорогой доктор Альгарди, который спас мне жизнь, предостерегал меня от возможного несварения, которое свело бы меня в могилу, но потребность в еде была сильнее, чем его резоны; я ничего не слушал, и хорошо сделал, потому что, стараясь хорошо питаться, я удовлетворял свою примитивную природу и вскоре почувствовал себя способным возобновить мои приношения богу, от которого я столь много пострадал.

Моя кухарка и Гертруда, обе молодые и красивые, влюбились в меня, и, преисполнившись благодарности, я одарил их своей любовью обеих зараз, так как предполагал, что атакуя их по отдельности, я не добьюсь победы ни над той, ни над другой. Впрочем, я не мог терять много времени, так как был приглашен м-м д'Юрфэ ужинать с ней в первый день 1776 года, в апартаментах, которые она для меня меблировала на улице Парома (рю де Бас). Она украсила их превосходными гобеленами, которые заказал Рене Савойский и на которых были представлены все этапы превращений философского камня. Она написала мне, что была в Шуази и там узнала, что итальянец Сантис, которому я нанес удар шпаги, проткнувший его насквозь, излечившись от раны, был заключен в Бисетр за мошенничество.

Гертруда и Анна-Мидель занимали меня приятнейшим образом во все время моего пребывания в Аугсбурге, но они не поработили меня до такой степени, чтобы пренебречь личным обществом. Я приятно проводил мои вечера у графа Макса де Ламберг, который жил при дворе принца-епископа, имея титул великого маршала. Его жена, женщина очаровательная, имела все необходимое, чтобы собирать у себя хорошую и многочисленную компанию. Я познакомился у этого графа с бароном де Селестен, капитаном на прусской службе, оставившемся в Аугсбурге, где он производил рекрутский набор для своего хозяина. Что меня привязывало в особенности к графу Ламбергу, так это его литературный талант. Первоклассный ученый и большой эрудит, он опубликовал несколько работ, очень ценных. Я обменивался с ним письмами, и это тянулось вплоть до его смерти, наступившей из-за его ошибки четыре года назад, в 1792 году. Я говорю «из-за его ошибки», но должен был бы сказать – из-за ошибки его врачей, которые лечили его ртутью от болезни, к которой Венера не имела никакого касательства, и которая привела только к клевете на его счет после его смерти.

Его вдова, всеми любимая, еще живет в Баварии, ласкаемая его друзьями и его дочерьми, которых она превосходно выдала замуж.

В это время маленькая труппа комедиантов, моих соотечественников, прибыла в Аугсбург, и я достал им разрешение выступать в маленьком плохоньком театре. Поскольку она послужила поводом для маленькой истории, которая меня забавляет, так как я явился ее героем, я представляю ее моим читателям, надеясь, что им это будет приятно.

Глава II

Комедианты и комедия. Басси. Страсбургжанка. Граф-женщина. Мое возвращение в Париж. Мое прибытие в Мец. Прелестная Ратон и фальшивая графиня де Ласкарис.

Женщина, некрасивая, но развязная и болтливая, как итальянка, была мне представлена, умоляя меня походатайствовать перед властями, чтобы позволили труппе, которой она была участницей, играть комедию. Она была некрасива, но она была итальянка и бедна, и, не спрашивая ее имени, не узнав, стоит ли труппа моих стараний, я обещал ей походатайствовать за нее, и добился без особых усилий той милости, что она добивалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.